DOI: 10.19195/0137-1150.169.2

Data przesłania artykułu: 27.08.2017

Data akceptacji artykułu: 15.11.2017

OLGA GUSEVA

Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja

Произведения Клементины Хоффмановой из рода Таньских в русских переводах

Произведения польской литературы для детей и юношества начали активно переводиться на русский язык лишь в XX в., когда имена Януша Корчака, Юлиана Тувима и Яна Бжехвы стали достоянием не только польских, но и русских читателей. В XIX в. русские переводчики с польского практически не обращали внимания на эту область литературного творчества, предпочитая переводить для детей с немецкого, французского или английского языков. Тем не менее, в истории русско-польского перевода сохранилось свидетельство того, что уже на заре существования оригинальной польской детской литературы переводчики видели в ней высокие нравственные достоинства и пример для авторов тогда еще небогатой русской детской литературы. Дважды на протяжении XIX в. переводчики обращаются к произведениям Клементины Хоффмановой из рода Таньских¹ (1798–1845), создательницы польской литературы для детей. Эти, выполненные с интервалом более чем в 30 лет и забытые ныне переводы, показывают, как по-разному на разных этапах развития русской детской литературы проявила себя одна и та же избранная переводчиками стратегия полной русификации оригинального текста.

В 1819 г. в Варшаве было опубликовано сочинение *Память доброй матери, или Последние её советы дочери* (*Pamiętka po dobrej matce, czyli ostatnie jej rady dla córki*, 1819) — нравственно-дидактическое произведение, положившее начало оригинальной польской литературе для детей. Книга вышла под псевдонимом Молодая Польша, впрочем, очень скоро имя автора

¹ В каталогах российских библиотек имя писательницы зафиксировано в версии Клементина Гофман-Танская, в соответствии с переводческими традициями XIX в. В нашей статье мы используем написание ее имени в орфографии, соответствующей современным принципам транскрипции польских имен в русском переводе.

стало широко известным — под этим псевдонимом скрывалась Клементина Таньская, в будущем, по мужу, Хоффманова. *Память доброй матери* с восторгом была встречена читателями, что было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, „молодая полька” писала на родном языке, выступая против влияния французского языка и культуры, засилья иностранной моды. Этим она сразу завоевала сердца всех патриотов. Во-вторых, она предложила новую систему воспитания девочек, среднюю между французской и старопольской, неприемлемой для современного ей общества. Успех *Памяти* превзошел все ожидания молодой писательницы, которой к моменту выхода в свет ее первого произведения исполнился 21 год. Все свое творчество Таньская посвятила педагогике и детской беллетристике. Она стала первой женщиной в Польше, сделавшей литературу не просто развлечением, а профессией. В течение следующих нескольких лет писательница опубликовала целый ряд произведений для детей: *Нравоучительные рассказы для детей* (*Powieści moralne dla dzieci*, 1820), *Амелия-мать* (*Amelia matka*, 1822–1824), *Подарок для Хеленки* (*Wiązanie Helenki*, 1823), а в 1824 г. она начала издавать первый в Польше журнал для детей „Развлечения для детей” (*Rozrywki dla Dzieci*”, 1824–1828). Ее успех и авторитет на ниве детской литературы и женского воспитания были настолько велики, что Таньскую не могли не заметить в столице Российской Империи.

В 1827 г. вышла книга *Память доброй матери, или Последние ее советы дочери своей*² в переводе Евгении Маркианович с посвящением императрице Александре Федоровне. То, что книгу позволено было посвятить августейшему имени, лишний раз свидетельствовало об официальном признании Таньской. Не случайно было и то, что книга была издана в типографии Воспитательного дома в Санкт-Петербурге — благотворительного заведения, находившегося под покровительством императорской фамилии. Одной из задач Воспитательного дома, открытого в 1770 г., было создание нового поколения путем правильного воспитания, кроме того, это было одно из немногих учреждений в России, занимавшихся проблемами женского образования. Девушки здесь получали педагогическую подготовку, позволявшую им устроиться гувернантками, домашними наставницами, учительницами в сельских школах. Клементина Таньская в 1826 г. начала преподавательскую деятельность в Институте гувернанток в Варшаве, учебном заведении, выполнявшем ту же функцию на территории Царства Польского. Авторитет Таньской к этому времени был настолько велик, а книг, посвященных проблемам воспитания девочек, настолько мало, что ее книга в русском переводе была призвана заполнить большую лакуну в детском чтении.

² К. Гофман-Танская, *Память доброй матери, или последние ее советы дочери своей*, перев. Евгении Маркианович, Санкт-Петербург 1827.

В первой четверти XIX в. в России для детей издавались преимущественно переводы с французского и немецкого, огромной популярностью пользовалась *Детская библиотека* (*Kleine Kinderbibliothek*, 1779–1784) Иоахима Кампе (1746–1818) в русской обработке Александра Семеновича Шишкова (1754–1841) — будущего министра народного просвещения, издававшаяся в 1783–1796 гг. и многократно переизданная. Оригинальные сочинения были еще немногочисленны. К моменту появления *Памяти доброй матери* самым ярким событием в русской детской литературе оставался журнал Николая Ивановича Новикова (1744–1818) „Детское чтение“, издававшийся с 1785 по 1789 г. как бесплатное приложение к газете „Московские ведомости“. Известный книготорговец Николай Григорьевич Овсянников, описывая ситуацию в литературе для детей в Петербурге к 1820-м гг., сообщал: „Издателями детских книг были: Глазунов, Заикин, Свешников и Новинский. До того бедна была эта литература, что у всех четырех издателей не насчитывалось более 50 названий, и одни и те же книги читались отцами, детьми и даже внуками”³. Переводчица Евгения Маркианович осознавала нехватку книг для детского чтения в России в целом и для образования прекрасного пола, в частности. „Желание доставить пользу юным соотечественницам моим, споспешествовать образованию их нравственности, побудило меня перевести на русский язык *Советы доброй матери*”⁴, — писала она в посвящении императрице. После обращения к *Всемилоштивейшей государыне* следовало послание переводчицы к *Сочинительнице*, т. е. Клементине Таньской, объясняющее причины обращения к этому произведению и характеризующее переводческую позицию Евгении Маркианович. Переводчица рассказывала о том, что она была „рождена и воспитана внутри России” и „едва знала” о существовании польского языка, но услышав впервые „приятный и занимательный разговор” на польском языке, она удивилась сходству „слов польских с российскими”, начала изучать польский язык и стала интересоваться польской литературой. Первой книгой, попавшей к ней в руки, была *Память доброй матери*, по ней она научилась читать, понимать и ценить польский язык, а желание оказать услугу своим соотечественницам подвигло ее к изданию перевода.

Первая треть XIX в. была временем, когда в просвещенных слоях русского общества наблюдался рост интереса к славянским народам, а прогрессивные российские журналы публиковали переводы со славянских языков. Маркианович вспоминает о переводах с польского и статьях, посвященных польской истории и словесности, выходивших в журналах „Улей”, „Вестник Европы”, „Сын Отечества” и „Московский Телеграф”. Этот интерес, полагает она, должен быть взаимным, изучение поляками русского языка, а русскими польского способствует обогащению языка, культуры

³ Воспоминания старого книгопродавца Н. Г. Овсянникова, [в:] *Материалы для истории русской книжной торговли*, Санкт-Петербург 1879, с. 9.

⁴ К. Гофман-Танская, *Память доброй матери...*, с. [1].

и литературы, преодолению преубеждений и „древних предрассудков”. Маркианович призывала Танскую к изучению русского языка. Взгляды переводчицы можно считать предтечей идеи славянской взаимности, которая найдет большое распространение в просвещенных кругах российской элиты в 30–40-е гг. XIX в. Но ее взгляды также соответствовали верноподданническим настроениям консервативной части российского общества, сложившимся после подавления восстания декабристов. Она напоминает польской писательнице, что ныне поляки и русские составляют „один народ, одно семейство, блаженствующее под кротким попечением чадолюбивого отца монарха”⁵.

Движимая той же идеей, что и Танская, — предоставить возможность чтения своим соотечественницам на родном языке, — переводчица полностью русифицировала *Память*. Эта практика адаптации иностранного произведения, особенно адресованного юным читателям, к нормам русской культуры была широко распространена в первой трети XIX в. Так, к примеру, поступали переводчики с рассказами для детей Иохима Кампе (1746–1818), с произведениями Арно Беркена (1749–1791). Можно вспомнить также роман французской писательницы Стефани де Жанлис (1745–1830) *Вечера в замке* (*Les Veillées du château*, 1784), переведенный на русский язык Николаем Михайловичем Карамзиным. Под названием *Деревенские вечера* роман публиковался в журнале Николая Ивановича Новикова „Детское чтение” (1785–1789). Высокой целью первого русского детского журнала было предложить детям русское чтение и способствовать воспитанию нравов. Поэтому Карамзин не стремился строго следовать оригиналу, он придал французскому роману русский колорит. Французские маркиграфы стали русскими помещиками Добролюбовыми, провинциальный замок в Бургундии превратился в село Уединенное, гувернёр-аббат — в студента Своемыслова, а французские простолюдины заговорили на языке русских крестьян. Характерно, что в то же время, что и русский, появился польский перевод романа Жанлис, выполненный Каetanом Скршетуским⁶. Отношение переводчиков к своему делу было различно, хотя и преследовали они одни и те же цели. Польский переводчик, усматривавший кладезь добродетелей во французском романе, ничего не изменил в тексте оригинала, мотивировав это тем, что переводил роман не для развлечения, а чтобы принести пользу отчизне, для укрепления нравов и развития добродетели⁷.

По пути Карамзина пошла и Евгения Маркианович. Она воспроизвела структуру и композицию переводимого произведения в соответствии с замыслом Танской, которая придала тексту *Памяти* форму нравственного

⁵ К. Гофман-Танская, *Память доброй матери...*, с. [4].

⁶ S. F. de Genlis, *Wieczory zamkowe, albo ciąg nauki obyczajów do pojęcia młodzi przystosowany. Z francuskiego dzieła... na ojczysty język przełożył ks. Kajetan Skrzetuski*, ч. 1–3, Warszawa 1786.

⁷ *Ibidem*, с. [2].

завещания и советов умирающей матери юной дочери. Маркианович сохранила названия глав, традиционные для публицистических и назидательных произведений минувшего века: *О здоровье, О необходимости соединения красоты душевной с телесною, Об истинной набожности, Об украшении разума, О любопытстве и охоте к сплетням, О самолюбии и охоте к спорам, О худом домашнем управлении и беспорядке, О дружбе, О любви* и др. Традиционные главы нравственно-воспитательного сочинения Таньская наполнила новым содержанием. Если её предшественники провозглашали необходимость безоговорочного подчинения женщины сначала воле родителей, а затем мужу, то, по мнению Таньской, подчинение должно строиться на уважении. Таньская писала о необходимости получения женщинами образования. Она полагала, что на первом месте среди женских занятий должно стоять рукоделие, для того чтобы в случае необходимости можно было прокормить себя собственным трудом. Для того времени, когда обедневшая шляхта предпочитала скорее жить из милости у богатых родственников, чем унизиться до ремесленных заработков, эта мысль Таньской была неожиданно смелой. Эти первые робкие шаги в сторону эмансипации завоевали сердца польских читательниц, но они же соответствовали и настроениям в русском обществе. Русская переводчица в предисловии пишет о том, что нынешние россиянки „уже не те, каковы были их прабабки”, под покровительством августейшей императрицы они воспитываются „просвещенными гражданками, нежными супругами и чадолюбивыми матерями”⁸, а переводимая книга призвана вселить в их сердце и разум правила добродетелей и обязанностей прекрасного пола. Для достижения этой цели переводчица приспособила оригинал к „месту, лицам и нравам” своих читательниц: из окрестностей Сандомира действие было перенесено в деревушку под Киевом, Амелия стала Юлией, а ее брат Людвик — Владимиром. Русифицируя книгу, переводчица отказалась от любых упоминаний польского языка, Польши или польских реалий, используя преимущественно приемы замены, опущения, прагматической и социокультурной адаптации. Выражение *do naszej zimnej Polski* (в нашу холодную Польшу) она заменяет на „в нашу холодную страну”⁹, *luba Polska* (любимая Польша) — на „любезное отечество наше”¹⁰, Варшава превращается в Москву, а польки в россиянок: фраза *Polkom miłość kraju jest wrodzona* переведена как „Россиянкам врождена любовь к отечеству”¹¹. Говоря о гостеприимстве, свойственном полякам, Таньская пишет о том, что это наследие древних сарматов; в переводе эта мысль приобретает форму: „Гостеприимство, столь сродное россиянкам, перешло к ним наследием от древних славян”¹².

⁸ К. Гофман-Танская, *Память доброй матери...*, с. [8].

⁹ *Ibidem*, с. [256].

¹⁰ *Ibidem*, с. [159].

¹¹ *Ibidem*, с. [102].

¹² *Ibidem*, с. [240].

Наиболее яркая идея в *Памяти доброй матери* — мысль о необходимости национального образования, обучения детей на родном языке. На страницах *Памяти* Таньская поместила пламенные призывы к полякам изучать родной язык и соблюдать его чистоту. В эти годы проблема засилья французского языка была общей, и не только в лучших домах Варшавы, но и в салонах Москвы и Петербурга говорили по-французски чаще, чем на родном языке, поэтому идеи Таньской оказались близки ее русской переводчице. Евгения Маркианович, адаптируя польский текст, обратилась к соотечественницам с призывом говорить по-русски, сломать сложившуюся традицию, когда представители светского общества удивляются, что „русская говорит по-русски”¹³, или, как в оригинале, „dziwiąją się Polce, że po polsku mówi”¹⁴. „Помни, что стыдно для россиянки не знать своего языка или предпочитать ему другой”¹⁵, — так переводчица передает предложение „Pamiętaj, iż wstydem jest dla Polki, kiedy ojczystej mowu nie umie, lub obcą nad nią przekłada”¹⁶.

Русификаторская стратегия переводчицы приводит к целому ряду вынужденных замен и сокращений текста и зачастую заставляет переводчицу отступить от ее собственного совета изучать польский язык и литературу ради обогащения отечественной культуры. Целью перевода было укрепление нравственности, а не просвещение читателей, поэтому, ступив на путь адаптации, переводчица лишает себя возможности познакомить читателей со многими реалиями польской культуры, которые появляются в оригинале. Таньская посвятила свою первую книгу княгине Изabelle Чарторыской, супруге известного в истории и литературе Польши князя Адама Казимежа Чарторыского, которая издала книгу *Пилигрим в Добромиле* (*Pielgrzym w Dobromilu*, 1819) с рассказами из истории Польши. Пример женщины, взявшей за перо, да и само произведение, имевшее ярко выраженный патриотический характер и сразу вошедшее в детское чтение, стали для молодой сочинительницы образцом для подражания. Традиционное для того времени посвящение, хотя и содержало вполне искреннее признание заслуг автора *Пилигрима*, должно было также обеспечить протекцию начинающей писательнице. Русским читателям *Пилигрим* был неизвестен, поэтому переводчица, движимая целью найти покровителя для своего труда, посвящает русское издание императрице, опуская упоминание о княгине Чарторыской. Но автор *Пилигрима* была не единственным образцом для подражания для Таньской. В своем сочинении польская писательница приводит целый ряд примеров знаменитых женщин: она упоминает „сарматскую музу” Эльжбету Дружбацкую (1695–1699), вспоминает Анну Мостовскую (1762–

¹³ *Ibidem*, с. [159].

¹⁴ K. Hoffmanowa, *Pamiętka po dobrej Matce czyli Ostatnie jej rady dla córki*, 5-е изд., Warszawa 1831, с. 93.

¹⁵ *Ibidem*, с. 168.

¹⁶ *Ibidem*, с. 99.

1833) — автора романа *Замок Конецпольских* (*Zamek Koniecpolskich*, 1806), автора *Мальвины* — дочь княгини Чарторыской Марью Виртембергскую (1768–1854), написавшую сентиментальный любовный роман *Мальвина, или Догадливость сердца* (*Malwina, czyli domyślność serca*, 1816), Теклу Любеньскую (1767–1810) — автора исторических драм и комедий. По мнению Таньской, все эти писательницы доказали, что и на родном языке можно выражать свои мнения и чувства. У русской переводчицы не было такого количества примеров из истории русской литературы, поэтому она просто опускает этот абзац. Подобным образом Маркианович поступает с фрагментами, посвященными славным страницам истории Польши. Например, развернутый рассказ Таньской о родной истории, с примерами и советами, кого из польских историографов стоит почитать, в переводе Маркианович превращается в краткий совет: „Из истории народов старательнее всего познакомься со своим отечеством. Стыдно было бы для россиянки удивляться доблестям одних только иностранок, не зная вовсе о славных соотечественницах”¹⁷.

Каждую главу в сочинении польской писательницы предваряет эпиграф, взятый из произведений Яна Кохановского, Францишека Карпиньского, Игнация Красицкого, Юлиана Урсына Немцевича и других авторов, что также служило замыслу отвлечь читательниц от французских романов и приохотить к отечественной литературе. Главу *О любви к родителям* открывает глубоко символический эпиграф из стихотворения Игнация Таньского — отца писательницы, что одновременно было данью памяти и уважения к отцу и раскрывало содержание главы. Для русской переводчицы использование эпиграфов создавало потенциальную возможность познакомить русских читателей с именами польских поэтов, и, таким образом, совместить нравственное воспитание с расширением интеллектуального кругозора. Но этот путь был связан с трудностями поэтического перевода, с необходимостью введения исторических и литературных комментариев, что неизбежно отвлекло бы внимание читателя от основной цели перевода — нравственного воспитания. У переводчицы была возможность заменить эпиграфы из польской литературы на цитаты из произведений русской литературы, но Маркианович принимает решение полностью отказаться от эпиграфов.

Перевод *Памяти доброй матери* на русский язык удостоился двух хвалебных отзывов в известных российских журналах в том же 1827 г.: в петербургском „Сыне Отечества” и в московском „Дамском журнале”. Рецензия в „Сыне Отечества” была краткой: „Это одна из лучших книг для нравственного образования молодых девиц”¹⁸. Безымянный рецензент отметил,

¹⁷ К. Гофман-Танская, *Память доброй матери...*, с. 172.

¹⁸ *Память доброй матери, или последние ея советы дочери своей. Сочин. 2-жи Таньской. С 4 (польского) издания перевела Е. М., „Сын Отечества”, Санкт-Петербург 1827, ч. 112, № VI, с. 210–211.*

что в этой книге „преподаны спасительные советы для сердца и разума, указаны пути добродетелей и означены мрачные тропы пороков”¹⁹. Также здесь было упоминание о том, что „переводчица удостоилась поднести свой перевод Государыне Императрице Александре Федоровне, и была осчастливлена лестным одобрением ее Императорского Величества”²⁰. „Дамский журнал”, издававшийся князем Петром Шаликовым в 1823–1833 гг., имел сентименталистскую направленность и особое внимание уделял женщинам-писательницам, в том числе и начинающим. В обширной рецензии, написанной самим издателем, отмечалось, что „перевод очень хорош”, а само произведение превосходит все прочие сочинения подобного рода. „Нет ничего увеличенного, романического, неудобноисполнимого, напротив того, все убеждает в излагаемых истинах, понятных как *первые нужды жизни, как испытанные впечатления сердца, как живое стремление души*”²¹. Перечисляя названия глав, издатель в сносках дает комментарии: „Сия глава достойна особенного замечания” (к главе *Об украшении разума*), а главу *О большом свете и мнении людей* он остроумно советует молодым женщинам, живущим в большом свете, „прочитывать каждое или почти каждое утро”²².

Никто из критиков не сопоставлял оригинал с переводом, они читали лишь русский текст и дали ему высокую оценку, язык перевода — это чистый, богатый русский литературный язык первой трети XIX в. В целом, русифицированный перевод *Памяти*, выполненный в эпоху, когда сохранение эквивалентности оригинала и перевода не было основным требованием, предъявляемым к переводу, можно признать адекватным. Он стал результатом осознанной переводческой стратегии Маркианович, целью которой было сохранить нравственно-воспитательные достоинства произведения и перенести их на русскую почву, а ее творческая интерпретация исходного текста имела большую художественную ценность.

Та же стратегия русификации произведений Клементины Хоффмановой из рода Таньских была использована вновь спустя более чем 30 лет после появления перевода *Памяти доброй матери*. На этот раз, на русский язык был переведен сборник *Нравоучительные рассказы. Год в рассказах (Powieści moralne. Rok w powieściach, 1820)*. В русском переводе книга под названием *Полгода. Нравоучительные повести для детей, переложенные с польского и примененные к русским нравам и обычаям* вышла в Петербурге в 1860 г.²³ без указания имени автора и переводчика. Это был перевод первой части

¹⁹ *Ibidem*, с. 211.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ *Память доброй матери, или последние ее советы дочери своей. Сочинение г-жи Таньской. С 4-го издания перевела Е. М.*, „Дамский журнал”, Москва 1827, ч. 19, № 13, с. 39–43.

²² *Ibidem*, с. 43.

²³ [К. Гофман-Танская], *Полгода. Нравоучительные повести для детей, переложенные с польского и примененные к русским нравам и обычаям*, Санкт-Петербург 1860.

польского оригинала. Спустя девять лет, уже у другого издателя и также анонимно вышел *Год из детской жизни. Нравоучительные повести для детей*²⁴, в это издание вошли переводы, опубликованные в первой части, а также продолжение, охватывающее уже все двенадцать месяцев года. Основной причиной популярности рассказов Таньской у польских читателей была потребность в польском, а не переводном чтении для детей. Эти рассказы заполнили практически свободную нишу в польской беллетристике для младшего возраста. Привлекательность *Нравоучительных рассказов* заключалась в том, что они были взяты из польской жизни (пусть даже автор «полонизировал» сюжеты иностранных писателей). Действие рассказов протекало в польских городах и сёлах, народные праздники, обычаи, повседневная жизнь и детские игры — всё это было своим, близким.

Русский перевод в издании 1860 и 1869 г. был выполнен, вероятно, одним переводчиком, имя которого на титульном листе не было указано, как и имя автора. Но в книге *Полгода* помещено предисловие, в котором переводчик дает восторженную оценку творениям польской писательницы и мотивирует свою переводческую позицию, которая вновь заключается в адаптации, приспособлении к уровню восприятия аудитории. Переводчик объясняет: „Перенеся место действия означенных повестей из родины даровитой писательницы в наш отечественный край, мы не имели намерения отчуждить их от той среды, в которой они получили свое начало, — не думали *денационализировать* их, если можно так выразиться; но желали только сделать у нас чтение их популярнее и удобопонятнее, оставляя за автором всю честь вымысла и достоинство изложения повестей”²⁵. В русифицированном варианте этой книги барчуки из подмосковных, курских или орловских поместий играют в лапту и салки, радуются православным праздникам. „Нигде нет к этому дню стольких приготовлений, как у нас, в нашей православной святой Руси”, — пишет переводчик в рассказе *Апель. Светлое воскресенье* (*Kwiecień. Wielkanoc*). В рассказе *Январь. Подарок* (*Styczeń. Kolenda*) благотворное влияние на героя оказывает проповедь ксендза Гжегожа Пирамовича, философа и просветителя, — так впервые в творчестве Таньской проявляется идея создания художественных биографий знаменитых поляков, которая впоследствии найдет выражение в целом ряде ее исторических произведений. В переводе идея исторического образования исчезает и вместо известного проповедника, писателя и поэта появляется некий „добродетельный старец” отец Игнатий. Единственным исключением из принципа русификации стал рассказ *Июнь. Букет роз* (*Czerwiec. Bukiet z róż*), в котором сохранены польские реалии. Героини рассказа со-

²⁴ [К. Гофман-Танская], *Год из детской жизни: Нравоучительные повести для детей*, Санкт-Петербург 1869.

²⁵ [К. Гофман-Танская], *Полгода...*, с. 7.

вершали путешествие по Польше, где „их восхищали высокие Карпатские горы, великолепная Тенчина, окрестности Ойцова”²⁶.

Необходимость в переводе польских рассказов на русский язык в предисловии к книге переводчик объясняет бедностью отечественной литературы для детей. С этой мотивировкой трудно согласиться, памятуя, что к 60-м годам XIX в. уже давно получили широкую известность повести и сказки Анны Зонтаг (1785–1864), рассказы Александры Ишимовой (1804–1881), исторические рассказы для детей Петра Фурмана (1816–1856), уже вышли сказка Антония Погорельского *Черная курица, или Подземные жители* (1829) и цикл *Сказки дедушки Иреня* (1834) Владимира Одоевского. К середине XIX столетия русская детская литература была многожанровой, представленной многими авторами и переводами со многих языков. Педагог и критик Феликс Густавович Толль (1823–1867) включил в свой сборник *Наша детская литература. Опыт библиографии*²⁷ более 260 рецензий на книги для детей. Количество изданных книг для детей не всегда означало их качество, но Толль, критикуя низкопробные поделки, отдает должное хорошо изданным книгам, удачным авторским решениям и мастерским переводам, которые знакомят детей с литературой и культурой других стран. Если к 20-м годам у четырех издателей Петербурга, вместе взятых, насчитывалось не более 50 названий книг для детского чтения, то к 1869 г. в одном только *Каталоге русских книг издания книгопродавца Якова Алексеевича Исакова*²⁸, издавшего *Год из детской жизни*, насчитывалось более 600 книг для детей, не считая учебной литературы. На этом фоне, издание русифицированного перевода *Год из детской жизни. Нравоучительные повести для детей* в 1869 г. было осуществлено, как представляется, скорее по инерции, чем из желания обогатить отечественную литературу. В этом издании нет предисловия, поэтому имя польской писательницы в нем даже не упоминается, что можно объяснить эпохой реакции, наступившей после подавления январского восстания 1863 г., когда издатели действовали с оглядкой на ужесточившуюся цензуру.

Таким образом, переводы сочинений Клементиины Хоффмановой из рода Таньских на русский язык были выполнены под влиянием осознанной переводческой позиции, связанной с ориентацией на принимающую культуру. Самым ярким из них оказался перевод *Памяти доброй матери*, появившийся на российском книжном рынке в первой трети XIX в., в тот момент, когда ощущалась нехватка назидательных произведений для девочек,

²⁶ *Ibidem*, с. 107–108.

²⁷ Ф. Г. Толль, *Наша детская литература. Опыт библиографии современной отечественной детской литературы*, Санкт-Петербург 1862.

²⁸ *Каталог русских книг издания книгопродавца Якова Алексеевича Исакова*, Санкт-Петербург 1869. Раздел каталога „Книги и поучительные игры для детей” включает позиции с 14496 по 15167.

написанных современным языком и отражающих современный взгляд на женское воспитание. Поэтому адаптация *Памяти* к русской принимающей культуре оказалась удачной. Ко второй половине XIX в. объем книг для детей в России увеличился в сотни раз по сравнению с предшествующим периодом. К середине столетия переводчики осознали тот факт, что посредством перевода происходит обогащение культуры, взаимопроникновение культур. Русская детская литература была готова к восприятию новых тенденций, а читатели стремились к новым познаниям, для них не составило бы труда понять национально-маркированную лексику и польские реалии. Но переводчики оказались не готовы к выполнению эквивалентного перевода с польского языка, поэтому адаптация рассказов Таньской не стала событием на российском книжном рынке в 60-е гг. XIX в., русифицированный перевод затерялся среди множества подобных ему книг. Тем не менее, наличие трех русских изданий свидетельствует об интересе русских переводчиков, издателей и читателей к творчеству основоположницы польской детской литературы Клементины Хоффмановой из рода Таньских.

Библиография

- Genlis S. F. de, *Wieczory zamkowe, albo ciąg nauki obyczajów do pojęcia młodzi przystosowany. Z francuskiego dzieła... na ojczysty język przełożył ks. Kajetan Skrzetuski*, č. 1–3, Warszawa 1786.
- [Gofman-Tanskaâ K.], *God iz detskoj žizni: Nravoučitel'nye povesti dlâ detej*, Sankt-Peterburg 1869.
- Gofman-Tanskaâ K., *Pamât' dobroj materi, ili poslednie ee sovety dočeri svoej*, perevod Evgenii Markianovič, Sankt-Peterburg 1827.
- [Gofman-Tanskaâ K.], *Polgoda. Nravoučitel'nye povesti dlâ detej, pereložennye s pol'skogo i primenennye k russkim nravam i obyčaiam*, Sankt-Peterburg 1860.
- Katalog russkikh knig izdaniâ knigoprodavca Âkova Alekseeviča Isakova*, Sankt-Peterburg 1869.
- [Rec.] *Pamât' dobroj materi, ili poslednie eâ sovety dočeri svoej. Sočin. g-ži Tan'skoj. S 4 (pol'skogo) izdaniâ perevela E. M.*, „Damskij žurnal”, Moskva 1827, č. 19, № 13.
- Toll' F. G., *Naša detskaâ literatura. Opyt bibliografii sovremennoj otečestvennoj detskoj literatury, preimušestvenno v vospitatel'nom otnošenii*, Sakt-Peterburg 1862.
- Vospominaniâ starogo knigoprodavca N. G. Ovsânnikova*, [v:] *Materialy dlâ istorii russkoj knižnoj trgovli*, Sankt-Peterburg 1879.

Works of Klementyna Hoffmanowa in Russian translations

Summary

Works of Klementyna Hoffmanowa, one of Poland's first writers of children's literature, were extremely popular in Poland in the 19th century. Her first book *Pamiątka po dobrej Matce* (*Remembering a Good Mother*) had the most astonishing success. It was followed by a series of works, almost all had a strongly expressed national character. Nevertheless, her translators into the

Russian language used the Russification as a technique of translation. Polish culture was converted to the Russian culture and the text was rewritten. Russian translation of *Remembering a Good Mother* was published in 1827 and it was a great success because of the poverty of Russian children's literature in the first third of the 19th century. The next adapted translation was her book of moral stories, published in Russian in 1860 and 1869. By that time, Russian children's literature was rich and varied and adaptation as a method of translation failed.

Keywords: Polish children's literature, Klementyna Hoffmanowa

Utwory Klementyny z Tańskich Hoffmanowej w tłumaczeniach na język rosyjski

Streszczenie

Utwory Klementyny z Tańskich Hoffmanowej — jednej z pierwszych polskich twórczyń literatury dla dzieci i młodzieży — cieszyły się wielką popularnością w XIX wieku. Szczególne uznanie zdobyło jej debiutanckie dzieło *Pamiętka po dobrej matce* (1819), pisane z myślą o dorastających dziewczętach. W 1827 roku ukazała się rosyjska adaptacja *Pamiętki*, przystosowana do odczytania utworu w kontekście kultury rosyjskiej. W tym czasie w literaturze rosyjskiej brakowało utworów edukacyjnych poświęconych wychowaniu płci pięknej, dlatego przeróbka z polskiego uzyskała pochlebne opinie krytyków.

Strategia domestykacji, czyli udomowienia tekstu źródłowego, została ponownie zastosowana przez tłumaczy w przekładach opowiadań Hoffmanowej w latach sześćdziesiątych XIX wieku. Wówczas jednak rosyjska literatura dla dzieci przeżywała rozkwit i dlatego moralno-dydaktyczne adaptacje pozbawione elementów obcości zostały pominięte przez krytyków milczeniem, przez co pozostały niemal niezauważone przez czytelników.

Słowa kluczowe: polska literatura dla dzieci, Klementyna z Tańskich Hoffmanowa